

ГЕННАДИЙ КОЛОДКИН

ЛАБИРИНТ МАРКА

Психологическая драма, экзистенциальный триллер

18+

Геннадий Колодкин

Лабиринт Марка

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Лабиринт Марка / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Одержимый внутренними демонами и терзаемый любовью, художник Марк пытается найти смысл в хаосе своей жизни, разрушая все вокруг и себя самого, пока не оказывается на грани полного саморазрушения.

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Колодкин

Лабиринт Марка

ЛАБИРИНТ МАРКА

(Психологическая драма, экзистенциальный триллер)

Геннадий Колодкин

Одержимый внутренними демонами и терзаемый любовью, художник Марк пытается найти смысл в хаосе своей жизни, разрушая все вокруг и себя самого, пока не оказывается на грани полного саморазрушения.

АКТ I: ЗАРОЖДЕНИЕ ПУСТОТЫ

1.

Полумрак мастерской был густым и вязким, как застывающая смола. Единственным источником света служила одинокая лампа на штативе, выхватывающая из темноты холст на мольберте и фигуру склонившегося над ним человека. Марк. Его лицо, осунувшееся и бледное, казалось высеченным из камня резкими, угловатыми тенями. Под глазами залегли темные круги, но в глубине зрачков, отражавших свет лампы, горела искра одержимости — лихорадочный, почти безумный огонь.

Воздух был пропитан терпким, едким запахом масляных красок, скипидара и старой пыли. Вокруг царил творческий хаос: на полу валялись скомканные тряпки, испачканные разноцветными мазками, повсюду стояли банки с кистями, похожие на растрепанные букеты, а вдоль стен громоздились старые холсты — призраки незаконченных идей и отвергнутых замыслов.

Марк держал в руке тонкую кисть, но его пальцы застыли в миллиметре от холста. Он не рисовал. Он смотрел.

«Зияющая пустота», — пронеслось в его голове. Эта мысль была не новой, она стала его постоянным спутником, тенью, которая следовала за ним даже в этой залитой искусственным светом комнате. Пустота началась не вчера. Она разрасталась годами, медленно, как раковая опухоль, с того самого дня, как он сказал «да». Брак. Какое пошлое, избитое слово. Для него это был не союз, а симбиоз. Пошлый симбиоз двух людей, которые отчаянно пытались заполнить друг другом собственные дыры, но лишь делали их глубже.

Он вспомнил, как когда-то верил, что любовь — это шедевр, который двое пишут вместе. Их же «шедевр» оказался дешевой репродукцией, напечатанной на плохом картоне. Плохое качество. Все в их жизни стало плохим качеством: улыбки, разговоры за ужином, прикосновения. Фальшивка, которую они оба упорно выдавали за подлинник.

Его взгляд скользнул по холсту. Картина была отражением этого внутреннего хаоса. Резкие, рваные линии пересекались под немыслимыми углами, создавая ощущение тревоги. Грязные, смешанные цвета — болотно-зеленый, багровый, цвет запекшейся крови — сливались в уродливое месиво. В центре этого вихря проступали два искаженных силуэта, сплетенных в объятии, которое больше походило на удушение. Это были они. Он и она.

Внезапно, как удар тока, память вырвала его из настоящего.

...Осколки разбитой чашки на кухонном полу. Ее крик, тонкий и острый, как лезвие. Его молчание, тяжелое, как могильная плита...

...Холодная постель. Он лежит на своем краю, она — на своем. Между ними — пропасть, которую не перелететь даже во сне...

...Ресторан. Годовщина. Он дарит ей цветы, она натянуто улыбается. Они говорят о погоде, о работе, о чем угодно, лишь бы не смотреть друг другу в глаза, где уже давно поселилось отчуждение...

...Его отчаянная попытка. «Давай попробуем еще раз». Ее усталый, безразличный взгляд. «Зачем, Марк? Что спасти?».

Он вздрогнул, возвращаясь в свою мастерскую. Воспоминания были как битое стекло — короткие, острые, оставляющие кровоточащие раны.

Марк резко отступил от мольберта, словно холст обжег его. Внезапное, удушающее отвлечение подкатило к горлу. Отвлечение не только к этой уродливой мазне, но и к себе. К своей слабости, к годам, потраченным на поддержание иллюзии. Он был художником, творцом, но позволил своей жизни превратиться в плохую копию.

Кисть с глухим стуком упала на пол. Он провел рукой по волосам, ощущая, как дрожат пальцы. Вдохновение, которое когда-то било в нем неиссякаемым ключом, иссякло. Он был пуст. Творчески опустошен. Эта картина была не просто отражением его брака — она была его автопортретом. Портретом человека, который потерял не только любовь, но и самого себя в лабиринте лжи и компромиссов.

И глядя на это уродливое полотно, Марк впервые за долгое время понял: чтобы начать писать что-то новое, нужно сжечь старый холст. До тла.

2.

Квартира Марка всегда была его святилищем, отражением его души. Раньше этот творческий беспорядок казался живым: разбросанные по полу нотные листы, гитара, прислоненная к дивану, стопки книг по искусству и философии, громоздящиеся на кофейном столике. Каждый предмет был частью симфонии его жизни. Теперь же эта симфония умолкла. Комнату заполнила оглушительная тишина, и то, что было творческим хаосом, превратилось в немое свидетельство запустения. Пыль тонким слоем покрывала поверхности, а полусохший цветок в горшке на подоконнике поник, словно разделяя его тоску.

Марк сидел в старом кресле, глядя в никуда. Взгляд его был пуст, как и комната вокруг. Он думал о любви. Какое же это странное, жестокое чувство. Вначале она обрушивается на тебя, как летняя гроза — ослепительная, оглушающая, полная жизни и обещаний. Она заставляет сердце биться чаще, окрашивает мир в немыслимые цвета и дарит ощущение полета. Ты готов отдать все, раствориться в другом человеке без остатка. Но гроза проходит. И что остается после нее? Лишь озон в воздухе и мокрая земля.

«Любовь — это самый сильный наркотик, но и самый недолговечный», — пронеслось в его голове. — «А что происходит, когда ты пытаешься подавить ее, запереть внутри? Она не исчезает. Нет. Она начинает гнить, разлагаться, превращаясь в яд. Медленный, едкий яд, который просачивается в кровь, отравляя каждую клетку, искажая мысли, выжигая душу изнутри. И вот ты уже не ты. Ты лишь оболочка, наполненная этой отравой».

Его рука машинально потянулась к книжной полке и нащупала небольшую рамку, стоявшую лицом к стене. Он перевернул ее. Со старой, немного выцветшей фотографии на него смотрел... он сам. Другой он. С широкой, искренней улыбкой, от которой в уголках глаз собирались веселые морщинки. В его взгляде читалась беззаботность, вера в будущее, в свет. Тот Марк еще не знал, что такое настоящая боль.

Глядя на это счастливое лицо из прошлого, Марк почувствовал, как его собственные черты искажаются. Губы скривились в болезненной гримасе, брови сошлись на переносице, а в глазах отразилась такая мука, что, казалось, само зеркало треснуло бы от этого взгляда. Контраст был невыносим. Счастливый юноша на фото и сломленный мужчина, держащий его в руках, — два разных человека, разделенные пропастью под названием «она». Он с силой сжал рамку, и стекло под его пальцами жалобно треснуло, но он даже не заметил.

Внезапно по спине пробежал холодок, не связанный с вечерней прохладой. Странное, липкое ощущение, будто за ним наблюдают. Он обернулся, но в комнате никого не было. Тишина давила на уши. И все же чувство не проходило. Это было не просто беспокойство, а глухое, нарастающее предчувствие беды. Что-то надвигалось. Что-то темное и неотвратимое, как грозовая туча на ясном небе. Он еще не понимал природы этой угрозы, но чувствовал ее каждой клеткой своего отравленного тела. Катастрофа была близко. Она уже стояла на пороге его разрушенного мира, и он был совершенно не готов ее встретить.

3.

Колокольчик над дверью кафе «Старый Фонарь» звякнул так же робко, как билось сердце Марка. Он сидел за столиком у окна, наблюдая, как осенние листья кружатся в медленном танце с ветром. Кафе было их местом. Когда-то. Теперь оно казалось чужим, наполненным призраками смеха и недосказанных слов.

И тут вошла она.

Анна была как вспышка света в сером дне. Яркая, живая, молодая – она, казалось, несла с собой частичку вечного лета. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались огненные пряди, обрамляли лицо, усыпанное веснушками. Ее улыбка могла бы растопить ледники, а в зеленых глазах плясали озорные искорки. Она была одета в простое терракотовое платье, но на ней оно выглядело как наряд королевы.

Она заметила его сразу. Ее улыбка стала шире, теплее, и Марк почувствовал, как что-то внутри него оттаяло, а следом за этим – болезненно сжалось. Химия. Это проклятое, неуправляемое притяжение, которое вспыхивало между ними мгновенно, стоило им оказаться в одном пространстве. Воздух вокруг их столика словно наэлектризовался, стал плотнее.

— Привет, — ее голос, как всегда, был мелодичным, с легкой хрипотцой. Она села напротив, и аромат ее духов – что-то легкое, цитрусовое, с ноткой корицы – окутал его, возвращая в прошлое.

— Привет, Аня, — Марк заставил себя улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, фальшивой.

Она заказала себе латте с карамелью, а он молча помешивал свой уже остывший эспрессо. Несколько минут они говорили о пустяках: о погоде, о новом фильме, о ее работе в галерее. Но Анна была слишком проницательной, чтобы не заметить его состояния. Ее веселье постепенно угасало, сменяясь беспокойством.

— Марк, что с тобой? — тихо спросила она, наклонившись через стол. — Ты сам не свой. Выглядишь так, будто не спал неделю.

Он вздрогнул от ее прямого.

— Все в порядке, — солгал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто много работы. Новый проект, дедлайны... сам понимаешь.

Но его глаза говорили о другом. Он смотрел на нее, и во взгляде смешалось все: нежность, от которой перехватывало дыхание, восхищение ее светом и глубокая, застарелая боль, которую он так отчаянно пытался скрыть. Он смотрел на нее, как на самое прекрасное и самое опасное, что было в его жизни.

Анна не отвела взгляд. Она видела все.

«Наркотик», — пронеслось в голове у Марка, пока он тонул в ее зеленых глазах. «Ты мой самый сильный наркотик. Одна доза – и я снова твой. Одна улыбка – и я забываю, как дышать. Я пытался творить без тебя, Аня. Холсты пусты. Краски кажутся серыми. Все мое искусство, вся моя жизнь стала пустой, безвкусной пародией. Но стоит тебе появиться, и мир снова обретает цвет. И вместе с ним – боль. Ты – источник моего вдохновения и моего самого большого страдания».

Он осознавал это с пугающей ясностью. Его зависимость от нее была тотальной. Она была его музой, его искрой, но пламя, которое она зажигала, сжигало его дотла. Он хотел прикоснуться к ее руке, лежащей на столе, сжать ее тонкие пальцы, сказать, что скучал, что умирал без нее. Но страх парализовал его.

Страх снова потерять себя в ней. Страх повторить те же ошибки, пройти тот же круг ада: от эйфории до полного опустошения. Он помнил, как ее свет, который сейчас так манил его, превращался в тень, поглощавшую его целиком. Он помнил бессонные ночи, пустые бутылки и разорванные в клочья эскизы.

— Марк, пожалуйста, поговори со мной, — ее голос вырвал его из омута мыслей. В нем звучала неподдельная тревога.

Он глубоко вздохнул, собираясь с силами. Желание быть с ней, снова почувствовать себя живым, боролось внутри него с ледяным ужасом прошлого. Он хотел ее. И он боялся ее. Этот внутренний конфликт разрывал его на части, и тень этого разрыва легла на его лицо, делая его старше и бесконечно усталым.

— Я не могу, Аня, — выдохнул он, и в этих словах было больше правды, чем во всей их предыдущей беседе. — Я просто... не могу.

4.

Ночь накрыла город плотным, чернильным одеялом, но для Марка она не принесла ни покоя, ни забвения. Сон, этот милосердный избавитель от дневных тревог, обходил его стороной, словно чумной дом. Тишина в квартире давила, становилась почти осязаемой, густой, как застоявшаяся вода. Каждый скрип половицы под его босыми ногами звучал оглушительно, каждый шорох за окном казался предзнаменованием.

Он бродил из комнаты в комнату, бесцельный призрак в собственном жилище. Гостиная, кухня, коридор — маршрут, заученный до автоматизма за многие бессонные ночи. Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь жалюзи, резал темноту на косые полосы, превращая знакомые предметы в странные, искаженные тени.

Его взгляд скользил по полкам, заставленным книгами. Он вытаскивал то один том, то другой, проводя пальцами по корешкам, словно пытаясь нащупать в них ответ. Философия, поэзия, научная фантастика — все они обещали миры, полные смысла и приключений, но сейчас их страницы казались лишь набором мертвых букв. Он открывал книгу наугад, читал несколько строк и с глухим стуком клал обратно. Слова не находили отклика, не проникали внутрь.

Затем его внимание переключилось на рабочий стол, заваленный бумагами. Чертежи, расчеты, старые заметки. Когда-то эта работа была его страстью, его опорой. Теперь же это был лишь хаос, памятник ушедшему энтузиазму. Он перебирал листы, но видел не формулы и схемы, а лишь отражение своей собственной внутренней пустоты.

«Что я здесь делаю?» — мысль билась в его голове, как пойманная птица. — «Зачем все это? Каждый день похож на предыдущий. Проснулся, поработал, уснул. Если повезет. А если нет — вот так, бродишь по клетке, пока не рассветет. И ради чего? Чтобы завтра повторить все сначала?»

Он подошел к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Внизу, на пустынной улице, проехал одинокий автомобиль, его фары на мгновение выхватили из темноты мокрый асфальт и исчезли, оставив после себя еще более глубокий мрак. Марк почувствовал себя таким же — случайным огоньком, промелькнувшим и погасшим в бесконечной пустоте. Одиночество было не просто отсутствием людей рядом. Оно стало состоянием его души, въелось под кожу, отравило кровь. Это было чувство тотальной потерянности, будто его корабль сбился с курса и теперь дрейфует в беззвездном океане без карты и компаса.

«Должен же быть какой-то выход, — шептал он сам себе. — Не может быть, чтобы жизнь сводилась к этому... к этому тихому отчаянию. Может, нужно все бросить? Уехать. Сменить город, работу, имя. Сжечь все мосты и начать с чистого листа. Но что, если я притащу эту пустоту с собой? Что, если дело не в месте, а во мне?»

Мысли о кардинальных переменах пьянили и пугали одновременно. Они давали иллюзию контроля, надежду на то, что где-то там, за горизонтом, существует другая версия его жизни, в которой он не сломлен, не потерян. Но страх парализовал. Страх неизвестности был сильнее боли привычного существования.

Он опустил взгляд на свои руки, лежащие на подоконнике. Они были залиты бледным, неживым светом фонаря. Длинные пальцы, знакомые шрамы, линии на ладонях. Но в этот момент они показались ему чужими. Он медленно сжал кулак, потом разжал. Движение произошло, но он не почувствовал его своим. Словно он был лишь кукловодом, а это — марионетка.

«Это мои руки, — подумал он с отстраненным любопытством. — Этими руками я строил, создавал, держал других за руку. А сейчас... сейчас я смотрю на них, и они мне не принадлежат. Как будто я наблюдаю за собой со стороны. За этим человеком, который ходит по темной квартире и не может найти себе места. Кто он? И какое отношение он имеет ко мне?»

Это ощущение отчуждения от самого себя было самым страшным. Он потерял связь не только с миром, но и с собственным «я». Его действия, мысли, чувства — все казалось частью чужого, плохо написанного сценария. Он был актером, забывшим свою роль, блуждающим по сцене в поисках подсказки, которой не было.

Марк отвернулся от окна. Впереди маячили еще несколько часов темноты. Но что-то изменилось. В глубине отчаяния, на самом дне колодца одиночества, зародилась крошечная, почти неощутимая мысль. Если он так остро чувствует эту потерю смысла, значит, сам смысл где-то существует. Если он так отчаянно ищет выход, значит, он еще не сдался.

Поиск смысла в одиночестве был мучителен. Но, возможно, именно в этой муке, в этом ночном блуждании по лабиринтам собственной души и скрывался первый шаг к спасению. Шаг, который еще предстояло сделать.

5.

Старый особняк встретил Марка знакомой, гнетущей тишиной. Воздух здесь был густым и неподвижным, пропитанным запахом антикварного дерева, лаванды и чего-то неуловимо-горького, как засушенные травы. Каждый скрип паркета под его ногами отдавался эхом в груди, словно шаги по минному полю его собственного прошлого.

Его мать, Елизавета Аркадьевна, сидела в своем любимом кресле у камина, который не горел даже в промозглую осеннюю погоду. Она была похожа на королеву в изгнании: идеально прямая спина, седые волосы, уложенные в строгий пучок, тонкие, аристократичные пальцы, сжимающие подлокотник. Ее взгляд, острый и пронзительный, как осколок льда, встретил его у порога гостиной.

— Марк. Ты опоздал на семь минут.

Не «здравствуй», не «как дела». Лишь констатация факта, холодная и точная, как удар скальпеля.

— Здравствуй, мама, — он заставил себя подойти и легко коснуться губами ее напудренной щеки. Она не ответила на жест, лишь слегка дернула плечом.

— Садись. Чай остывает.

Он сел в кресло напротив, чувствуя себя не взрослым успешным мужчиной, а провинившимся школьником, вызванным к директору. Между ними на столике из темного дерева стоял фарфоровый сервиз. Атмосфера была настолько наэлектризована, что, казалось, дотронься до чашки — и по пальцам ударит разряд.

Она сделала маленький, выверенный глоток.

— Мне доложили, что ты продолжаешь встречаться с этой... женщиной.

Марк сжал кулаки под столом. Он знал, что этот разговор неизбежен.

— Ее зовут Анна. И да, мы вместе.

— Анна, — повторила мать, и в ее голосе прозвучало неприкрытое презрение. — Я видела ее фотографии. Простушка. К тому же, она годится тебе в дочери. Чем ты думал, Марк? Это же позор.

Каждое слово было отточено годами практики. Каждое било точно в цель.

— Мне все равно, что ты думаешь о ее внешности или происхождении, — его голос был тихим, но твердым. Он изо всех сил сдерживал гнев, который уже подступал к горлу. — И разница в возрасте — это наше с ней дело.

— Ваше дело? — Елизавета Аркадьевна усмехнулась, но глаза ее остались холодными. — Не смейся меня. Ты всегда был ведомым. Сначала эта твоя первая жена, которая вила из тебя веревки, теперь эта девчонка, которая, очевидно, ищет себе «папика». Ты позоришь фамилию. Что скажут люди?

— Мне плевать, что скажут люди! — Марк не выдержал и повысил голос, тут же жалея об этом. Спорить с ней было все равно что биться головой о гранитную стену.

— Ты кричишь на мать? — она вскинула идеально выщипанную бровь. — Из-за какой-то вертихвостки? Я всю жизнь положила на то, чтобы из тебя вырос достойный человек, а ты меняешь все это на мимолетное увлечение. Она просто пользуется тобой, твоими деньгами, твоим положением. Неужели ты настолько ослеп?

Он чувствовал себя загнанным в угол. Ее логика была железной, ее осуждение — абсолютным. В ее мире не было места для чувств, только для статуса, приличий и общественного мнения.

«Всегда... Она всегда была такой», — пронеслось у него в голове. Он вдруг отчетливо вспомнил, как она критиковала его первую школьную любовь за «неподходящую семью». Как осуждала его выбор университета, потому что он был «недостаточно престижным». Как холодно приняла его бывшую жену, с порога окрестив ее «хищницей». Ни один его выбор, ни одно его решение никогда не были достаточно хороши для нее. Она была не просто матерью, она была вечным судьей, прокурором и палачом в одном лице.

Он смотрел на ее властное, неподвижное лицо и внезапно понял. Все его предыдущие отношения были попыткой соответствовать ее невысказанным требованиям. Он выбирал женщин «правильных», «статусных», тех, кого она могла бы если не одобрить, то хотя бы стерпеть. И каждый раз это заканчивалось провалом, потому что в этих отношениях не было его самого. Была лишь тень ее ожиданий.

А Анна... Анна была полной противоположностью. Она была живой, искренней, свободной от всех этих условностей. Она любила его не за фамилию и не за счет в банке. Она видела его настоящего — со всеми его страхами и неуверенностью, которые взрастила в нем эта женщина, сидящая напротив.

«Моя любовь к Анне — это не просто чувство. Это бунт», — осознание ударило его с силой молнии. Это был его первый в жизни настоящий, осознанный бунт против ее тирании. Против ее мира, где любовь измеряется выгодой, а счастье — общественным одобрением. Любить Анну означало наконец-то выбрать себя, а не ее одобрение.

Он поднялся. Гнев уступил место холодной, звенящей решимости.

— Я не собираюсь это обсуждать, — сказал он ровно, глядя ей прямо в глаза. — Анна — мой выбор. И если ты не можешь его уважать, то нам больше не о чем говорить.

Он развернулся и пошел к выходу, не оборачиваясь. Он чувствовал на спине ее ледяной, прожигающий взгляд, но впервые в жизни этот взгляд не имел над ним власти.

Выйдя из душного дома на свежий, прохладный воздух, Марк сделал глубокий вдох. Тень матери все еще лежала на его плечах, но она больше не казалась такой всепоглощающей. Впереди его ждала Анна. Его выбор. Его свобода.

6.

Вечер опустился на город мягко, словно бархатная ткань, укрыв острые углы зданий и смягчив резкие дневные звуки. Фонари зажглись один за другим, выхватывая из полумрака островки света на мокром от недавнего дождя асфальте. Марк шел, не разбирая дороги, погруженный в вязкую тишину собственных мыслей. Его шаги гулко отдавались в пустеющем переулке, создавая монотонный ритм, под который было так легко думать.

Воздух был прохладным и чистым, пах озоном и влажной землей из скверов. Но Марк почти не замечал этого. Его сознание было лабиринтом, где он снова и снова возвращался к одному и тому же тупику. Мысли о ней, о прошлом, о том, что могло бы быть, кружились, как осенние листья в ветреную погоду — хаотично и неумолимо. Он пытался отвлечься, сосредоточиться на чем-то простом: на узоре брусчатки под ногами, на далеком гуле машин, на свете, льющемся из окон. Но все было тщетно.

Впереди, в золотистом пятне света от уличного фонаря, он увидел их. Молодая пара, идущая ему навстречу. Они не делали ничего особенного: просто шли, держась за руки. Девушка что-то говорила, смеялась, и ее смех, тихий и мелодичный, донесся до Марка. Парень смотрел на нее с такой нежностью, с таким обожанием, что на мгновение показалось, будто весь мир для него сузился до ее улыбающегося лица. Их пальцы были переплетены, их плечи соприкасались. Простое, незамысловатое счастье, такое обыденное и такое недостижимое.

И в этот момент Марк почувствовал это. Острый, холодный укол прямо в сердце. Зависть. Не черная, злобная, желающая отнять, а тихая, горькая, почти скорбная. Это было чувство внезапной и болезненной пустоты внутри, осознание того, чего у него нет и, возможно, никогда не будет. Он отвел взгляд, чувствуя, как щеки заливают краска стыда за эту непрошеную эмоцию.

«Как же это глупо, — пронеслось в его голове, когда пара прошла мимо, оставив за собой легкий шлейф духов и тихого счастья. — Завидовать незнакомцам».

Но внутренний голос не унимался. «Дело не в них. Дело в том, чего ты лишен. Любовь... это ведь не просто слово. Это потребность. Как воздух, как вода. То, что наполняет жизнь смыслом, когда все остальное кажется бессмысленным. Это то, ради чего стоит просыпаться по утрам и бороться с собственными демонами».

Он остановился, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене. Воспоминания нахлынули с новой силой. Он вспомнил свои прошлые отношения — как он сам все разрушил. Своей гордостью, своим страхом, своей неспособностью открыться до конца.

«Я все сделал не так, — признался он себе с безжалостной честностью. — Я был эгоистом, трусом. Я думал, что защищаю себя, а на самом деле строил тюрьму вокруг своего сердца. И то, что прошлое было ошибкой, огромной, чудовищной ошибкой, не отменяет моего желания. Я все еще хочу этого. Хочу любить и быть любимым. Хочу держать кого-то за руку и чувствовать, что я не один в этом холодном, огромном мире».

Это признание не принесло облегчения, лишь усилило боль. Он поднял голову и медленно побрел дальше, пока его взгляд не упал на темную, зеркальную витрину закрытого магазина.

Марк остановился и посмотрел на свое отражение. Из глубины стекла на него смотрел незнакомец. Уставший мужчина с темными кругами под глазами, со сжатыми в тонкую линию губами и потухшим взглядом. Очертания были его — тот же рост, те же плечи, та же прическа. Но выражение лица, сама суть человека, смотрящего на него из витрины, была ему чужда. В нем не было ни искры, ни надежды, ни той жизни, которую он помнил в себе когда-то.

Он видел себя, но не узнавал. Словно за то время, что он провел в одиночестве и сожалениях, его настоящая сущность стерлась, оставив лишь пустую оболочку. И этот незнакомец в витрине был живым укором, молчаливым свидетелем того, во что он себя превратил.

Марк долго стоял так, глядя в глаза своему отражению, пока холодный вечерний ветер не заставил его поежиться. Пора было идти. Куда — он не знал. Но впервые за долгое время он понял, что стоять на месте больше нельзя. Нужно было найти способ вернуть себе себя. Или того, кем он еще мог стать.

7.

Галерея гудела, как растревоженный улей. Но вместо медового аромата в воздухе висела тяжелая, вязкая смесь из запаха масляных красок, дорогого парфюма и неприкрытого осуждения. Свет, профессионально выставленный куратором, падал на полотна Марка, выхватывая из полумрака буйство цвета и хаос форм. Он должен был льстить работам, но вместо этого казался холодным и безжалостным, словно свет в операционной, вскрывающий каждый изъян.

Марк стоял в стороне, у колонны из белого мрамора, держа в руке бокал с нетронутым шампанским. Он был одет в простой черный свитер и джинсы, нарочито выбиваясь из толпы гостей в дизайнерских нарядах и строгих костюмах. Он не хотел быть частью этого маскарада. Он был его причиной.

«...совершенно безвкусно. Кричащие цвета, никакой гармонии...» — донесся до него обрывок фразы от дамы в жемчугах, брезгливо морщившей нос.

«Говорят, он просто выплескивает свои комплексы. Это не искусство, это психотерапия за чужой счет», — вторил ей мужчина с холеными седыми висками, ценитель «настоящей живописи».

«А эта мазня? Мой пятилетний сын рисует лучше. Полная деградация...»

Марк слушал, не поворачивая головы. Каждое слово было маленьким, острым камнем, брошенным в его сторону. Но вместо того, чтобы уворачиваться, он подставлял им грудь. Он был готов. Это был его экзамен.

«Пусть говорят», — думал он, а в груди вместо обиды разгорался странный, холодный огонь. «Пусть ненавидят. Они не понимают, что их презрение — это тоже топливо. Они думают, что унижают меня, но на самом деле они закаляют сталь. Каждый их шепот, каждый косой взгляд — это ступенька, по которой я должен пройти. Это и есть путь. Путь через боль, через непонимание, через унижение — к чему-то настоящему. К той новой, выстраданной радости, о которой они даже не подозревают».

Он не искал их одобрения. Он искал катарсис. Он вывернул свою душу наизнанку и развесил ее на этих стенах, и теперь ждал приговора толпы. Их осуждение было подтверждением того, что он сделал все правильно — он задел их за живое, вторгся в их уютный мирок с чем-то диким, честным и неудобным.

Его взгляд скользнул по залу и остановился на центральной картине выставки. Той, которую он писал в лихорадочном бреду, смешивая краски со слезами и отчаянием.

На холсте была Анна.

Но это была не та Анна, которую знали другие — с ее светлой улыбкой и сияющими глазами. Это была Анна из его кошмаров и предчувствий. Ее фигура, написанная нежными, почти прозрачными мазками, казалась хрупкой, готовой раствориться в бушующем за ее спиной фоне из багровых и иссиня-черных тонов. Но главным было лицо.

Он помнил, как писал его. Рука двигалась сама, словно ведомая чужой волей. Он хотел запечатлеть ее красоту, ее свет, но кисть выводила иное. Черты ее лица были искажены гримасой невыносимой боли. Глаза, широко распахнутые, смотрели не на зрителя, а куда-то вглубь, в бездну страдания, которую ей только предстояло познать. Уголки губ были опущены в безмолвном крике, который застыл на холсте навечно.

Это было пророчество. Жестокое, неотвратимое предзнаменование будущих мук, которые он, сам того не ведая, готовил для нее. В тот момент, когда он писал это, он лишь смутно ощущал грядущую тьму. Теперь, глядя на картину сквозь призму их общей трагедии, он видел все ясно. Эта картина была не портретом. Это был приговор.

«Какая жестокость, — прошептала женщина, остановившаяся рядом с ним. — Так изуродовать такое прекрасное лицо... Он, должно быть, ненавидит ее».

Марк горько усмехнулся про себя.

«Если бы они только знали, как сильно я ее люблю», — подумал он, ощущая, как ледяные пальцы вины сжимают его сердце. «И как сильно эта любовь ее уничтожит».

Экзамен продолжался. И самой сложной его частью было смотреть в глаза нарисованной им боли и знать, что скоро она станет реальностью.

8.

Воздух в квартире Марка был густым и тяжелым, как перед грозой. Он потрескивал от невысказанных слов и сдерживаемых эмоций, которые, наконец, прорвались наружу, затопив все вокруг яростью и болью.

Анна стояла посреди гостиной, скрестив руки на груди. Ее поза была защитной, но глаза метали молнии. Каждый мускул на ее лице был напряжен. Марк застыл у окна, глядя на различные огни ночного города, но видел перед собой лишь ее искаженное гневом лицо.

— Я так больше не могу, Марк! — ее голос сорвался, пронзив тишину, как осколок стекла. — Я бьюсь о тебя, как о каменную стену! Ты ничего мне не рассказываешь. Что у тебя на душе? Что тебя гложет? Я живу с призраком, а не с человеком!

— А что ты хочешь услышать, Анна? — он резко обернулся. Его обычное спокойствие испарилось, оставив после себя холодную, колючую ярость. — Хочешь, чтобы я вываливал на тебя каждую свою проблему? Каждую мрачную мысль? Ты думаешь, тебе станет от этого легче?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.